

Надежда Герман

Солнечные часы с кукушкой

Февраль

Февраль, февраль... Да что ж такое в нём?
Предчувствие весны? А может—это
того, что мягче сна, теплее меха?
Мерцающим и ласковым огнём
камина освещённая икона,
и Богоматерь смотрит безутешно.
А за окном— всё ветрено и снежно.
Разлитого на пол одеколона
разящий запах. Календарь настенный,
распухший вдвое от усердных читок.
На пожелтевших фото лица чьи-то—
просты, наивны и чуть-чуть надменны.
Не оттого ль, февраль, твоя погода—
завесы туч и ветры ледяные,
как письма... как открытки именные,
для памяти дороже год от года?

Пылинки звёзд на бархате небес...

Пылинки звёзд на бархате небес.
Внизу—огни какого-то аббатства.
Неровным шагом самый мелкий бес
на сон грядущий вышел прогуляться.

Чуть покрупнее медного гроша—
старинная луна на дне бассейна.
И только одинокая душа
огромна, как уродец Франкенштейна...

Этюд со звездой

Покатилась первая звезда
вниз по галактической спирали.
На столбах гудели провода,
а по лугу лошади гуляли.

Листья шелестели. Ветер дул.
Сонная луна висела косо.
А душа сбежала и без спроса
до утра отправилась в загул

босиком по Млечному Пути,
чтоб потом свернуть на сенокосы,
где сверкают бусинками росы
и трава по пояс— не пройти...

Луна и полночь

Черёмуха цветёт. И сон-траве не спится.
Кукушка битый час твердит одно и то же.
У сторбленной сосны заноеет поясница,
и выплывет луна, как старая галоша.

У тихого ручья, где пепел от костра,
где прячется в траве зелёный лягушонок,
ладошками взмахну, чтоб шлёпнуть комара.
Купавка от меня (русалкина сестра)
подхватится тикать, не разобрав спросонок.

Кудрявый, под хмельком, пришлёпает лешак,
достанет из мешка корявую гнилушку.
И полночь зашуршит, как флибустьерский флаг.
И лодка уплывёт по облакам во мрак.
И упадёт туман. И сон возьмёт кукушку.

Картинки из чужого времени

1.

На безусом лице рассвета
Нежным пухом—ночной снежок.
Странный звук, будто хрипло где-то
В чаще леса пропел рожок.

И запнулся на полувздохе.
Тени сосен упали ниц.
Это сказочный, странный принц
Заблудился в чужой эпохе...

2.

В побелённых наспех нишах
Рдеют поздние цветы.
По облезлым мокрым крышам
Скачут драные коты.

Многотонные колонны
С ног отряхивают прах,
И качаются вороны
На обвислых проводах.

Здесь когда-то в рог трубили,
Ударяли меч о щит...
Погляди, вуаль на шпиле
Зацепилась и висит.

Этюд с будильником

Будильник звякнул жалобно и хило.
Порвался сон, как старое кино.
Ночь кончилась, и утро просочилось
сквозь шторку в приоткрытое окно.

В окне—рябина, воробьи на ветке
и клочья облаков. А может быть,
чистюля-август постирал салфетки
и на ветру развесил посушить?

Этюд с туманом

У востока глаза с поволокою.
За рекой догорают костры.
Одинокое белое облако—
будто флаг на вершине горы.

Пахнет склон резедой и гвоздикою.
Над обрывом стою и смотрю,
как, разбуженный птичьим чириканьем,
кто-то вброд переходит зарю.

Капели трель, июльская жара...

Капели трель, июльская жара
И тихая печаль начальной осени.
И вот уже вода остыла в озере,
И снежно со вчерашнего утра.

Над синевой тропических морей,
Над белизною северных лесов
Огромное цветное колесо
Вращается то тише, то быстреей.

Расщелина, где прячется змея,
И небо, где купаются стрижи...
Мы это называем просто—жизнь,
Поскольку без названия нельзя.

Анемоны

На зелёной лесной лужайке,
где осока и горный ветер...
(Он спустился сюда с верховий,
где вчера только снег растаял,
там в июле цветёт горечавка—
синеглазый цветок альпийский,
и так рано снега ложатся
на пустых каменистых кручах...)

На зелёной лесной лужайке
над осокой качает ветер
белоснежные анемоны—
так их много, и так беспечно
тянут к солнцу они головки,
и отпущено им так мало,
что никто их жалеть не станет:
оборвут, соберут в охапку
и поставят в стеклянной вазе
на окне, растворённом настезь...

Белый стих

Кузнечик тарыхтит. Скрипит телега.
Лошадка фыркает. Дорога пахнет сеном,
туманом и землёй. И облаками—
там жаворонок, жаворонок плачет
от счастья, что живёт и есть надежда
ещё дожить до будущего лета!
Скрипит телега. Ровно дышит лошадь.
И можно в сено лечь, лицом—на солнце.
И всё смотреть, как облака по небу
плывут, плывут... И жаворонка слушать.

А где-нибудь грохочет автострада.
И самолёты разрезают воздух.
И воздух рвётся, тонкий, как бумага,
как тонкие ушные перепонки.
Со скрежетом и воем мчится время,
как скорый поезд возле полустанка,
согласно расписанью—мимо, мимо...

А я лениво еду на телеге,
дышу травой, рассветом и туманом.

Серый звёздный дождь

1.

А с помятого небосклона
капли падали в ритме вальса.
Посмотри-ка, крылатый кто-то
с облаков на асфальт сорвался,
а в глазах—пустота: ни фальши,
ни любви, ни тоски смертельной.
Понесёт по дороге дальше
клочья песенки колыбельной.

«Баю-бай!» Но какой раскраски
было радуги коромысло?
И чего не хватает сказке?
Может, вымысла? Может, смысла?

2.

Две недели не ходит почта
из созвездия Ориона,
потому не узнаешь точно,
где теряется след дракона.

И кого... и куда послали?
Сколько раз и к какому сроку?
Письмоносице, тёте Вале,
Звёздный Пёс перешёл дорогу.

И теперь она сморит косо,
вяжет шаль и не любит лето.

...Юный месяц—как знак вопроса,
старый кукиш—как знак ответа...